

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ КАЗАЧЬЕГО НАРОДА.

Прошло уже три месяца с того дня, когда ушел от нас в иной мир наш милый и дорогой Борис Александрович Кундрючков и все таки, как-то, не верится, что его уже нет больше в наших рядах, потому что в каждом номере "ВК" все еще раздается его смелый, огненный призыв, его чарующая песня казака. Но уже перестали от него получать письма, написанные его короткими, но такими почерком, такие полные любви, преданности и готовности к любой жертве за счастье и свободу своего многострадального, но достойного любви народа - Казачества.

И трудно мириться с мыслью, что его, это так молодого и многообещающего уже нет в живых. Как это так? Это же "молодо", так желавший и жаждавший жить и живший на то все права, на заре расцвета своей силы, редкого, оригинального, поэтического дара, способного, казалось, на все руки Бог изъял из нашей семьи, так нуждающейся в таких силах. И однако это так, ужасный факт...

Смерть Бориса тяжелая потеря для Казачества вообще, а для ВК в особенности. Но его смерть также большая потеря и для калмыков. Он был нашим преданным другом, самым неподдельным образом любил нас, почитая нас не только историческими и политическими друзьями Казачества, но за более близкое, родное. Он любил даже своего маленького сына Арсения называть Арелано, который играл с калмыцкими детьми, ходил в наш скромный храм, молился Богу. И сам Борис не раз молился в нашем храме и одно свое участие во всеобщей службе он изобразил в своем прекрасном, верном по художественной изобразительности стихотворении "Цаган-Сар".

Мало этого, покойный был нашим постоянным сотрудником, неизменно присылая нам свои специально для калмыков написанные стихотворения. В наше трудное время друзья вообще редки, они тем более редки у нас, у маленького, обездоленного народа. И мы еще более несчастны тем, что у нас мрут наши лучшие друзья, испытанные товарищи черных дней нашего ужасного лихолетия. Кто нам заменит Бориса?!

Поэтому смерть его для нас большая потеря и мы от души горюем и выражаем свое горе и печаль. Мало он прожил, но как много он пережил, духовно перестрадал за несчастье своего народа, как много дум он перетумал. Наконец в казачьем самостоятельном течении он нашел смысл жизни, служению идее свободы Казачества, каковой и отдался со всем пылом молодого, смелого сердца.

Но не легко сложилась его личная жизнь. Он - семейный человек, должен был учиться, чтобы лучше служить своему народу, в это же время активно работать и участвовать в развитии и защите вольноказачьей идеи и личным трудом кормиться. Все это было не легко, несмотря на его редкую энергию и бодрость духа. В довершение всего он заболел и молодое тело не вынесло всего.

Приклоняясь перед его могилкой мы извиняемся перед его осиротевшей семьей, что так поздно отмечаем его уход. По смерти Бориса мы выпускаем наш журнал впервые, а на собрании, посвященном памяти покойного, устроенном редакцией ВК в Праге, наш представитель Санжа Степанов выступил с выражением нашей горячи от имени нашей орга-

низации. Почитаем за свой долг посылить участвовать и в увековечении его памяти надмогильным сооружением, только наша бедность не позволили нам это выполнить, но мы не забыли о памяти нашего друга и сотрудника. Пусть найдет твоя душа лучшее перерождение, а народ твой излюбленный обретет чаемую свободу и самостоятельность.

--00--

Печальные строки М. Б., вполне выражающее подлинное отношение всех нас к смерти Бориса, были уже напечатаны для размножения, когда была получена краткая весть о смерти другого нашего друга и сотрудника, известного всем вольным казакам казачьего патриота деда Балабина... Отчего, как и почему - это нам неизвестно. Правда он был уже стар, но все, кто видел или слышал его не могли предполагать такой близкий его конец, ибо столько у него было еще живой энергии, столь активно он выступал на собраниях, ездил, призывал казаков, организовывал станицы, хутора и т. д. и т. д. И вот такого человека не стало...

Опять казачье горе, опять неудача Вольного Казачества и опять эта наша же, калмыцкая, неудача. Дед Балабин тоже был нашим другом. Не пришлось мне увидеть его лично, но его горячее дыхание дружбы и веры в общности калмыцко-казачьей судьбы сквозило в тех немногих письмах, которые я получал. Его воспоминания о калмыках всегда были теплы и любовны. Он совершенно не случайно был организатором и возглавителем вольноказачьей станицы, вбирающей в свой состав калмыков и казаков.

Мне кажется, что дед Балабин был человеком-дубом, который ломается, но не гнется. Печально, искренно жаль, что такие люди уходят из нашей среды и именно тогда, когда бедное и истерзанное Казачество на распутье, не зная за кем идти, куда и где его спасение. Балабин был из тех, кто бескорыстно /для себя он уже ничего не ждал/ звал своих братьев на единственный верный, казачий путь.

...Но дед Балабин умер, но не умрет его дух. Он оставил нам сына, которого успел наставить на свой казачий путь. Надо думать, что он окажется достойным своего отца, не омрачит его память и будет также твердо и бескомпромиссно стоять на страже казачьих интересов. Сына деда Балабина мы будем почитать за нашего такого же доброжелателя, каким был его покойный, маститый отец.

Мир праху старого матерого казака. Да будет духом ему чужая земля. Да* Бог многогратальнему его народу - Казачеству добиться такого положения, при котором оно будет иметь возможность собрать кости своих верных сынов, рассеянных по чужим землям.

Прага. Июнь. С. Балачев.

---00000---

.....
"МЫ НЕЗНАЕМ БУДУЩЕГО, НО ЗНАЕМ ТРЕБОВАНИЕ НАШЕГО МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ. МЫ НЕ МОЖЕМ ПРЕДВИДЕТЬ ДОСТИЖЕНИЯ НАШИХ ЦЕЛЕЙ, НО МОЖЕМ ЕГО ХОТЕТЬ И ТРЕБОВАТЬ."
.....